

9 Шевкунов, Т., епископ Егорьевский. Сила праведника. Слово в день памяти святых Царственных страстотерпцев / епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов) // Православие.Ru [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/105172.html>. – Время доступа: 18.07.2017.

УДК 94 (476.25) “18/19”

БОРЬБА С РЕЛИГИЕЙ КАК ИДЕЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА)

И. А. ГРИЩЕНКО

Учреждение образования

«Гомельский государственный

технический университет им. П.О. Сухого», г. Гомель

Конец 1920-х годов в СССР ознаменовался резким обострением церковно-государственных отношений. Политика воинственного атеизма во многом была продиктована теми условиями, в которых проводилась индустриализация и коллективизация. Советский агитпроп точно охарактеризовал результат большевистского переворота: «Рухнули устои не только старого политического режима, но и всего уклада жизни» [1, л. 50]. Для советской власти с ее масштабными преобразованиями всех сфер жизни общества церковь была не просто анахронизмом, но серьезным препятствием в идейной обработке сознания советского человека. Насильственные методы коллективизации естественным образом должны были примениться и в отношении Русской Православной Церкви, которая не могла не только одобрять, но даже индифферентно относиться к репрессивной политике большевиков. Главная причина ожесточенности антирелигиозной борьбы кроется в идейной несовместимости марксизма-ленинизма с религией вообще и с христианством в частности, что лаконично выразил лозунг «Союза воинствующих безбожников»: «Борьба с религией есть борьба за социализм».

В апреле 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли закон «О религиозных объединениях», который поставил их под жесткий контроль государства. Начавшаяся коллективизация сельского хозяйства предредила судьбу монашества. В начале 1920-х гг. монастыри еще существовали как сельскохозяйственные коммуны (например, Ченковский монастырь под Гомелем), с конца 1920-х гг. эти социальные институты воспринимались как чуждые социалистическому образу жизни. С 1928 г. начали массово, «силовым порядком» закрывать приходские церкви. Если в 1927 г. в России

было закрыто 134 молитвенных дома, то в 1928 г. – 542 (в том числе 445 церквей), а в 1929 г. – 1000 [2, с. 476]. Право окончательного решения по закрытию церкви передавалось областным и краевым советам. Коллективизация и ужесточение антирелигиозной политики со стороны советского руководства не просто совпали по времени, они дополняли друг друга идейно.

Во многих местах создание колхоза не только сопровождалось, но и начиналось с закрытия храма и снятия колоколов, что нагнетало обстановку в деревне и создавало негативный имидж колхозным активистам. ЦК ВКП(б) в постановлении от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями в колхозном движении» осудило перегибы в отношении религии, отметив, что закрытие церквей допустимо «лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян» [3, с. 89]. В то же время в случае сопротивления верующих рекомендовалось «разъяснять и доказывать необходимость закрытия церкви» [4, л. 113]. Таким образом, отступление от намеченного курса по ликвидации церковной жизни было тактическим ходом и мало что меняло в практической реализации этого курса. В резолюциях партийных конференций отмечалось, что антирелигиозная пропаганда является обязательной составляющей массовой работы [5, л. 45 об.].

В течение 1930-х гг. в соответствии со сталинской доктриной об обострении классовой борьбы в обществе по мере строительства социализма, церкви отводилась роль естественного противника советской власти. По словам главы «Союза воинствующих безбожников» Е. Ярославского религиозные организации это «единственные легальные реакционные вражеские организации». В угаре массового террора духовенство и активные миряне получали ярлыки троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов, буржуазных националистов, фашистских агентов [3, с. 91-92]. К 1938 г. единственной организационной структурой, занимавшейся религиозной политикой был церковный отдел ГПУ. Нормальные контакты церкви и государства практически прекратились.

О том, что коллективизация и антирелигиозная пропаганда и в практике властей и в сознании населения составляли единое целое, свидетельствуют события рубежа 1920-1930-х гг. в Гомельском регионе, отраженные в архивных документах. На собраниях по поводу организации колхоза крестьяне часто спрашивали: «Как могут существовать церкви, если мы пойдем в колхоз?» [5, л. 31] В ряде случаев крестьяне на собраниях ставили условие: «Мы будем работать в колхозе, но только чтобы у нас церковь была открыта» (с. Макановичи Хойникского района) [4 л. 177].

Во многих деревнях закрытие церквей проводилось грубо, с кощунствами в отношении святынь. Это вызывало эксцессы, как, например, в с. Гордуны Тереховского района. 24 апреля 1930 г. колхозники приступили к снятию крестов с церкви, изъятой у верующих три месяца тому назад.

«Толпа набросилась на колхозников, бросали камни, не давая снимать кресты. В результате чего колхозники разбежались. Женщины поломали лестницы, приставленные к крыше церкви, а оставшегося на крыше колхозника Кутебо стали забрасывать камнями. Прибежавшие на помощь последнему колхозники Вегеро и Васько начали угрожать толпе револьверами, при этом Васьковым было произведено несколько выстрелов в воздух». Мужчины в избиении колхозников участия не принимали, а стояли в стороне. Хотя окружные власти осудили применение револьверов, однако причиной происшедшего посчитали не защиту церкви, а недовольство новым землеустройством [6, л. 82].

Трудно определить, были ли хулиганские выходы отдельных колхозников в отношении верующих иницированы местными органами исполнительной власти или это был личный почин колхозников, но это не единичные случаи. В д. Дворище Хойникского района 1 марта 1930 г. в колхозе «Красный Борец» двое колхозников расстреляли иконы, изъятые в свое время у церкви. Происходило это на глазах женщин, шедших в церковь [7, л. 282]. В д. Новый Радин Комаринского района председатель колхоза, член КП(б)Б Митрохович, секретарь сельсовета Шаврей, местный учитель, ветеринарный фельдшер и несколько комсомольцев 2 марта 1930 г. учинили в церкви дебош, - танцевали, одевали на себя ризы, «венчались», - «в результате чего имело место массовое выступление толпы женщин с протестами» [7, л. 283]. Грубо повел себя председатель сельсовета в с. Казацкие Болсуны Ветковского района С.Я. Мисев, поломав шестнадцать икон, иконостас, ряд крестов и подсвечников. Через несколько дней верующие пришли к Мисеву с требованием отдать им вещи религиозного культа. «Он накинулся на них с матом и угрозой» [8, л. 91-92]. Партийные инструкции настойчиво требовали обходиться без насильственного принуждения при закрытии храмов, однако одного метода убеждения властям было недостаточно, поэтому дебоширов-безбожников наказывали не строго.

Статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов» стала своеобразным признанием провала колхозного движения. Просчеты и неудачи в колхозном строительстве власти объясняли негативным влиянием реакционного духовенства и вредительством со стороны антисоветских элементов. Однако о непопулярности колхозов говорит повсеместная реакция крестьян на вышеуказанную статью И.В. Сталина и его «Обращение к товарищам колхозникам»: крестьяне начали массово выходить из колхозов, ссылаясь на принцип добровольности. Колхоз «Единство» Чечерского района в начале 1930 г. насчитывал 42 населенных пункта с 1000 дворов. В марте 1930 г. поступило 600 заявлений о выходе из этого колхоза [4, л. 22]. В д. Карчевое Хойникского района в марте 1930 г. колхоз почти распался: из 55 хозяйств в колхозе осталось 10, и среди оставшихся наблюдались колебания. В Небытовском колхозе того же района из 60 хозяйств в колхозе осталось 18.

Одно из самых крупных коллективных хозяйств Лоевского района Днепровская коммуна объединяла 800 хозяйств. О выходе из нее подали заявления более двухсот хозяйств. Повсеместно разбирались обобщественное имущество [4, л. 125-126]. В колхозы не спешили записываться не только середняки, но и батраки. Индивидуальные хозяйства по Гомельскому району в марте 1930 г. составляли 87 % [4, л. 132].

В некоторых сельсоветах заседали крепкие середняки и кулаки, как, например, в Бывальках Лоевского района. В начале 1930 г. демонстративно вышел из колхоза Музыченко Федот, середняк, бывший председатель Бывальковского сельсовета и председатель колхоза. Пикус Антрох, крепкий середняк, бывший председатель сельсовета «присутствовал на двух попойках с попом и наделил его землей, выдавал справки спекулянтам об их честности, не сдавал своих излишков хлеба в кооперацию, продавая на частном рынке. Ранее подавал заявление о выходе из партии» [9, л. 3-Зоб]. Картину того, что происходило в это время в деревне, хорошо передает письмо, написанное 17 апреля 1930 г. председателем Бывальковского сельсовета Е.И. Гордиенко на имя А.Г. Червякова. Евдокия Иосифовна, будучи работницей добрушской фабрики «Герой Труда» была выдвинута на общественную работу в деревню, и по тону письма чувствуется, что пришла в отчаяние от ситуации, сложившейся в деревне: «Женщины не хотят идти в колхоз. Народ очень религиозен, батюшка забран, церковь закрыта и теперь никак нельзя проводить массовой работы. Где бы ни стали проводить собрание, сейчас же начинают спрашивать за батюшку. Ко мне неделю ходили крестьяне, чтобы я им дала справку, чтобы им дали батюшку. Крестьяне требовали внести этот вопрос на общее собрание. Когда же этого не сделали, то при обсуждении вопроса о заготовке картофеля, крестьяне заявили, что будет батюшка, тогда будет и бульба. Сперва батюшку убрали, бедняков запугали, и что получилось? Когда разъяснили, что колхоз - организация добровольная, стали выходить. Из 150 хозяйств осталось 23. Крестьяне недоверчивы, особенно беднота. В состав сельсовета не голосуют за колхозников. Дайте совет, как дальше работать. Особенно, как проводить массовую работу среди верующих крестьян, где так стоят за батюшку» [9, л. 10].

Трагедией деревни стали массовые выселения крестьянских семей на Север и в Сибирь. Разбивались семьи, односельчане натравливались друг на друга, физически уничтожались крепкие хозяйственники, а вместе с ними духовенство и монашествующие. В начале 1930-х крестьяне часто ходатайствовали за своих односельчан, собирали подписи в защиту священников и их семей, проводили собрания и голосованием отменяли решение о раскулачивании, как это было в д. Абакумы Карповского сельсовета Лоевского района, где беднота взяла под свое покровительство семью Гончаренковых, представив в РИК приговор крестьянской сходки [4, л. 22]. Бывали вопиющие, с точки зрения властей, случаи, когда в этом

принимали активное участие коммунисты и комсомольцы, члены сельсоветов. Так, Ассаревичская ячейка ЛКСМБ и отдельные кандидаты в члены партии ходатайствовали об освобождении и взятии на поруки дьячка Ассаревичской церкви Галка Павла, арестованного органами ГПУ за антисоветскую деятельность. Гомельский окружной отдел ГПУ убедительно просил передать по местам, что подобные ходатайства, выдачи положительных характеристик, массовые собрания со сбором подписей об освобождении арестованных органами ГПУ за антисоветскую деятельность недопустимы, т.к. это «затрудняет работу органов». Коммунистов и комсомольцев предупредили, что за участие в подобных акциях впредь будут привлекать к партийной ответственности со всеми вытекающими последствиями [7, л. 299 об.-230]. Проявление милосердия, человеческого участия к жертвам террора становилось преступлением. Христианство тоталитарному режиму мешало именно тем, что культивировало эти качества в человеке.

Органы ГПУ были озабочены тем, что не везде выселение кулацких семей проходило тихо и быстро. В д. Ровенская Слобода Речицкого района при объявлении семье высылаемого Васильца о подготовке к выселению, в хату набилось 60-70 женщин, которые подняли плач и крик с просьбой воздержаться от выселения. Во многих местах Тереховского района крестьяне возмущались тем, что решение, кого выселять принималось без их участия. На составленные списки реагировали репликами: «У нас нет кулаков и некого выселять. Если они и есть, то от них мы получаем пользу, весной они нам дают бульбу, муку и другие продукты за отработку»; «Мы из деревни никого не дадим, пусть выселяют все село»; «Вы сейчас выселяете кулаков, а потом станете выселять и бедняков» [4, л. 15-16]. В качестве протеста против выселения односельчан середняки д. Бацунь Уваровичского района отказались везти ссыльных на своих подводах. Драматично проходило выселение семьи Глинникова в д. Чеботовичи Уваровичского района. В его доме собралась родня с криками, что их вывезут только мертвыми. Когда оперативная группа вечером пришла проверить, как идет подготовка к выселению, то их возле дома встретила толпа в сотню человек, был даже выстрел. Так же с эксцессами выселяли четыре семьи в д. Жиличи Брагинского района. Во время посадки на подводы семьи Григорьева в д. Папсуевка Ветковского района скоропостижно скончалась Григорьева Марфа. Остальные члены семьи в количестве шести человек разбежались [4, л. 18-20]. Многие не скрывали своего сочувствия семьям раскулаченных крестьян. Особенно жалели детей: «Взрослых не так жалко, а только детей, что невинно страдают, намотришься на возы с людьми, руки отпадают от работы»; «Дети не виноваты, лучше бы их высеяли в теплое время или постреляли бы на месте, а то это издевательство». Два уполномоченных Гомельского РИКа (фамилии не установлены) расплакались от жалости к

выселяемым. Когда подводы с семьями кулаков проезжали через Носовичи, середняк Ступко Тихон заявил, что «даром это не пройдет» и обернется большой кровью. Хватало и злорадства в отношении репрессированных крестьян. Бедняки с. Борисовщина Хойникского района посчитали, что жалости зажиточные крестьяне не заслуживают, так как сами мало ее проявляли в отношении бедноты [4, л. 31, 37]. Но сочувствие к ссыльным крестьянам все-таки преобладало. При выселении семьи Попкова в с. Бартоломеевка Ветковского района председатель сельсовета Башилов демонстративно снял пальто со своего сына и надел на сына выселяемого крестьянина, а так же положил на воз два пуда муки [4, л. 41]. Письма ссыльных свидетельствуют о том, в каких условиях они оказывались: «Куда везут, не известно, как видно для нас большой секрет. Едем уже второй день, и за все время нас не выпускают на двор, воздух в вагоне невыносимый, у всех испортились желудки, цвет лица изменился – желтые и измученные. Жаль смотреть на людей, - страдают ни за что» [4, л. 87-88]. В письмах ссыльных содержатся просьбы к родственникам забрать хотя бы детей, так как в местах ссылки, при отсутствии элементарных условий для жизни, высокая смертность.

Возмущались политикой советского государства и рабочие Гомеля. На вагоно-ремонтном заводе можно было услышать: «Вот начали гнать мужиков, что и вагонов не хватает, людей везут как скот – по 50 человек в вагоне... выброшенные дети ползают по снегу, замерзают, а все благодаря политике Сталина». Кондукторы Гомеля вели аналогичные разговоры: «Черт знает, что творится, заставляют людей так страдать... Лучше бы они возили эшелонами свиней» [4, л. 86-87]. Служащие станции Гомель сетовали: «В старое время в Сибирь так высылали разбойников, как теперь высылают крестьян-мучеников. Такого обращения с людьми не было ни при одном правительстве» [6, л. 66]. Курсант школы охраны Гришин при разговоре со стрелками по поводу выселения кулаков сказал, что когда он сопровождал эшелон с выселяемыми в Сибирь кулаками, то не мог хладнокровно смотреть, «как мучается ни в чем не повинный народ» [6, л. 60].

Церковь не могла остаться в стороне от той драмы, которую переживала деревня. Некоторые семьи приглашали священников отслужить молебен и благословить их на дорогу (с. Терюха Гомельского района) [4, л. 21]. 18 марта 1930 г. при проезде обоза с выселяемыми по г. Речице, живущий на вокзальной улице священник речицкой церкви Бутон вышел из дома с крестом и благословлял проезжавших [4, л. 37]. Если это властями расценивалось как антисоветская агитация, то тем более панихида по случаю «преждевременной смерти попа Голубева, погибшего в изгнании в Сибири», отслуженная священником с. Уть Тереховского района, уже выглядела тяжким преступлением против советской власти [6, л. 24].

В отчетах райкомов отмечалось, что празднование советских праздников (1 Мая, 7 ноября) проходит без энтузиазма, особенно в районах, где много единоличных хозяйств. В д. Чиколовичи Комаринского района на 30 апреля 1930 г. было намечено открытие клуба в здании бывшей церкви. На мероприятие пришло только десять человек. Многие женщины заявили, что они никогда туда не пойдут, и будут требовать возвращения церкви [6, л. 129]. Рост религиозности населения, который отмечали сводки ГПУ в начале 1930-х гг., объясняется не только тяготами жизни и неясным будущим. Нередко приход в церковь был своеобразной формой протеста против политики советского руководства. Например, в с. Старая Белица Уваровичского района существовала крепкая церковная община, которая имела большое влияние на молодежь. Некоторые молодые люди по поводу коллективизации дерзко заявляли: «Хоть и не верим (!), а в церковь будем ходить на зло вам» [4, л. 44]. Озабоченность у властей вызывало индифферентное отношение учителей к советским пропагандистским кампаниям: «Учителя в деревне замкнулись, в общественной работе не участвуют. Сплошь и рядом деревенские партийцы много религиозничают, прикрываясь религиозностью жены. Гордуновский учитель среди учеников ведет агитацию против открытия семилетки в церкви. Гордуновская учительница перед пасхой посылала учеников целовать плащаницу. В последнее время заметно усилилась религиозная работа по линии отцов церкви. Надо нажать, как следует... Мало занимаемся вопросами борьбы с религиозными предрассудками среди членов партии, а эти предрассудки еще не изжиты, некоторые члены партии на пасху приготавливали куличи, многие партийцы имеют до сих пор иконы» [10, л. 37]. При всей сухости бюрократического языка, партийные циркуляры содержали характерные формулировки, демонстрировавшие степень эрозии нравственного сознания советского человека, когда в один ряд с безнравственностью ставилась религиозность: «Особенное внимание обратить на борьбу с партпреступностью, как то пьянство, религиозность, половая распущенность, халатность и прочие неэтические поступки» [10, л. 11].

Люди, доведенные до отчаяния, религиозно экзальтированные, при отсутствии нормально организованной церковной жизни распространяли слухи о конце света, о знамениях, создавали почву для усиления влияния сектантов. В д. Селецкое Чечерского района в начале 1930 г. образовалась группа, выступавшая против колхоза «Просвет». Во главе ее стоял середняк Козлов Даниил. До 1917 г. он жил в Америке. До проведения коллективизации он был одним из активнейших безбожников, никогда не посещал церковь, смеялся над верующими. Но с образованием колхоза он резко изменился, начал каждую субботу собирать у себя крепких середняков, которым читал Евангелие, истолковывая его текст в антисоветском духе [4, л. 43].

В рамках антирелигиозной кампании советские органы власти делали все возможное по ликвидации духовенства как класса. В первую очередь репрессировались активные священники, пользовавшиеся уважением и авторитетом у населения. В феврале 1930 г. тройка ПП ОГПУ по БВО приговорила Каешко Герасима Матвеевича к высшей мере наказания. Его семья была выслана, крестьяне, проходившие по этому делу, получили различные лагерные сроки. Столь суровый для рубежа 1920-1930-х гг. приговор был вызван невероятными результатами деятельности иеромонаха Герасима (Каешко), уроженца д. Кобылянка (Рассветная) Уваровичского района. В 1926 г. он восстановил сгоревший в 1915 г. храм в Даниловичах. А в 1927-1928 гг. построил церковь в Кобылянке, на земле, принадлежавшей его семье. Удивляет время постройки храмов. Вину перед советской властью усугубляло то, что иеромонах Герасим принадлежал к иосифлянской группе православных, не подчинявшихся митрополиту Сергию (Страгородскому) из-за его компромисса с безбожной властью [11, с. 57-64]. В 1931 г. священник Поколюбичской церкви Гомельского района Попович Федор Петрович, так же принадлежавший к «правой» церковной оппозиции иосифлян, получил пять лет ИТЛ и дальнейшая его судьба не известна [12, с. 239-240]. В отчетах ГПУ отмечалось, что Попович развернул антисоветскую агитацию, был очень популярен среди молодежи. Устраивая молебны, он «отнимал значительную часть избирателей», срывая собрания по выборам в сельсовет [4, л. 177; 11, с. 158]. За антисоветскую агитацию пять лет ИТЛ в апреле 1931 г. получил Чепков Василий Петрович, иерей церкви с. Еремино Гомельского района. После досрочного освобождения в 1933 г. он поселился в с. Бобовичи и нелегально совершал богослужения в деревнях Гомельского района. После второго ареста в мае 1938 г. священник Василий Чепков был расстрелян 29 сентября 1938 г. [12, с. 244-245]. В 1927-1936 гг. настоятелем храма Рождества Богородицы с. Урицкое Гомельского района был священник Аксамитов Макарий Иванович. До этого он служил в с. Борщевка и с. Бобовичи Гомельского района. На момент ареста в 1936 г. он работал строителем. Постановлением выездной сессии Специальной судебной коллегии Верховного суда БССР от 14 февраля 1937 г. он был приговорен к десяти годам ИТЛ. После освобождения продолжил свое служение в с. Урицкое, позже в д. Любиж Горецкого района Могилевской области, где в 1949 г. скончался [12, с.110-111]. В июле-августе 1937 г. Гомельский отдел НКВД провел серию арестов православных священнослужителей и мирян общим числом 57 человек, выдвинув им обвинение в причастности к «гомельской контрреволюционной организации церковников», во главе которой якобы стоял протоиерей Павел Левашев. Решением заседания Особой Тройки НКВД БССР были приговорены к расстрелу все гомельские священники (как «иосифляне», так и «сергиане»), активные миряне (среди них староста церкви с. Урицкое Е.Ф. Лелехова). Приговор был приведен в исполнение 1

ноября 1937 г. Диакон Исаак Ганжин, шесть монахинь, одна послушница и четыре мирянина, были приговорены к 10 годам ИТЛ [13, с. 148]. От репрессий не спасал и отказ от священнического сана. Жудро Георгий Андреевич, служивший в Рогачевском районе и сложивший с себя сан, в 1930 г. был приговорен к высылке в Сибирь. Зорин Владимир Павлович, бывший священник Ченковского Свято-Успенского женского монастыря, несмотря на публичное отречение от сана в 1931 г., был обвинен в принадлежности «гомельской контрреволюционной организации церковников» и расстрелян 1 ноября 1937 г. Так же были репрессированы бывшие священнослужители П.В. Скорубский и В.И. Еськов [12, с. 315-318].

К 1941 г. в Гомельской области не осталось ни одного действующего храма. Еще в начале 1920-х гг. советский агитпроп подчеркивал, что трудность борьбы с религией, этим «последним оплотом реакции», заключается в ее укорененности в подсознании людей. Одних только агитационных методов борьбы с религией советской власти было недостаточно. Репрессии в отношении духовенства и верующих стали составной частью общей политики советского государства и проведения коллективизации в частности.

Список литературы

1 Протоколы собраний АПО губкома РКП(б). 1922-1923. // Государственный архив общественных организаций Гомельской области (ГАООГО). Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1660.

2 Регельсон, Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945 / Л. Регельсон. – М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2007. – 642 с.

3 Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2005. – 424 с.

4 Сводки окружного административного отдела и дорожно-транспортного отдела ОГПУ. 1930 // ГАООГО. Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 622.

5 Протоколы районной конференции женщин-батрачек, общих собраний по перевыборам делегатских собраний Юровичского района. // ГАООГО. Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 43.

6 Сводки окружного административного отдела и дорожно-транспортного отдела ОГПУ. 1930 // ГАООГО. Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 623.

7 Переписка с партийными организациями, органами ГПУ, милицией о фактах нарушения революционной законности, ЧП, ликвидации неграмотности. 1929-1930 // ГАООГО. Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 502.

8 Переписка партийными, советскими, хозяйственными организациями по вопросам контактации с/х продуктов, работы среди бедноты. // ГАООГО. Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 620.

9 Постановления, сведения о колхозном строительстве, работе среди бедноты, партийно-массовой работе на селе. 1929-1930 // ГАООГО. Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 599.

10 Протоколы партконференций, заседаний бюро, партсобраний, совещаний Тереховского райкома. 1927-1928 // ГАООГО. Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 230.

11 Цыкунов, С.В., Ветошкин, В.Л. Исторические сведения о приходах Гомельской епархии. Гомельский район / С.В. Цыкунов, В.Л. Ветошкин. – Гомель: Барк, 2017. – 212 с.

12 Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917-1953): биографический справочник / авт.-сост. А.В. Слесарев. – Жировичи: Издательство Минской духовной академии, 2017. – 339 с.

13 Слесарев А.В. История «правой» церковной оппозиции («иосифлянства») на Гомельщине в 1928-1941 гг. // Труды Минской духовной академии. – 2014. - № 11. – С. 140-149.

УДК 271.2+94(100) “1914/.19”

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ – ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. И. ГУРИНОВИЧ, П. А. КАЦУБО

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

В начале XX века Русская Православная Церковь являлась самой крупной из всех поместных православных церквей. В ней насчитывалось 55 тыс. храмов, 100 тыс. священников и диаконов. В 1242 монастырях проживало более 50 тыс. монахов. Церковь имела 64 епархии и около 40 викариатов; ее епископат составлял свыше 100 архиереев. В начале 1917 года из 182 млн. жителей Российской империи 115 млн., или более 63%, составляли лица православного вероисповедания.

Революция 1917 года в православном сознании стала испытанием веры. Земное православное царство было отнято, однако в день отречения царя-мученика Николая II от престола, в Коломенском была явлена Державная икона Божией Матери, на которой Богородица держит в Своих руках символы царской власти – державу и скипетр, знаменуя не исчезновение, а вознесение на небо царской власти. Вскоре после постановления Временного правительства «О свободе совести» и отмены института обер-